

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук
(ИФПР СО РАН)

доктор философских наук, профессор РАН, профессор

М.Н. Вольф

« 2 » июля

2025 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

на кандидатскую диссертацию Никулина Максима Сергеевича

«Ноология как стратегия философской мысли в древнегреческом платонизме»,

Представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 – История философии (философские науки)

В современной западной философии уже около 300 лет довлеет картезианская традиция, которая во многом исходит из противопоставления субъекта (сознания, или декартовского мыслящего «Я») и объекта (внешнего мира). Данный картезианский дуализм порождает множество трудноразрешимых проблем: пропасть между сознанием и телом, проблему достоверности знания, разрыв между ценностными суждениями и объективной реальностью.

Диссертация Никулина Максима Сергеевича возвращает нас к принципиально другой стратегии мысли, которая не только была успешной на протяжении многих столетий, но и в которой снимаются данные затруднения – платонической стратегии. В ее рамках нет противопоставления субъективного и объективного ума, мышление или ум (νοῦς) не является иной субстанцией по отношению к внешнему миру, а является органической частью и высшим выражением существования, Ум един и универсален, и человеческое мышление причастно к этому универсальному Уму. Такой фокус работы, выбранный диссертантом, делает ее актуальной с нескольких точек зрения.

Во-первых, современная реальность, в которой прилагаются максимальные усилия для создания и внедрения во все сферы жизни искусственного интеллекта, заставляет нас еще раз обратиться к пониманию того, что такое ум, человеческое мышление и каковы актуальные способы его моделирования. В этом плане платоническая стратегия является одной из наиболее успешных на сегодняшний день для объяснения ряда затруднений, связанных с

пониманием (вернее, непониманием) того, как осуществляется обработка больших данных, что происходит в процессе машинного обучения, на основании каких механизмов осуществляется выборка, – причем объяснения предлагаются через создание «платоновского идеала», универсализацию и т.д. В платонической стратегии аналогичные задачи реализуются Умом в отношении внешнего мира с бесконечным количеством вещей через создание иерархии образов. Другой момент – это сведение сознания в современной нейрофизиологии к электрохимическим процессам, которое можно противопоставить космическому вселенскому универсальному феномену. Все это открывает новые горизонты для интерпретаций в области онтологии, гносеологии, философии и сознания – со стороны философии, и что не менее важно – новые стратегии объяснения в инженерных задачах.

Во-вторых, до сих пор остается значимым взгляд, согласно которому отношения религиозного и научного (включая философское) мировоззрений объясняются через конфликт. Работа М.С. Никулина напоминает, что в античном платонизме существовала более лояльная модель, которая демонстрирует нераздельность философии и теологии, рациональное умозрение о божественном. В рамках этой модели именно ноология (как ее понимает диссертант) является универсальным языком для дискурса о первопринципах, космических структурах и природе человеческой души. Сейчас, когда много говорят и спорят о духовном измерении реальности, такой интегральный платонический подход мог бы помочь налаживанию взаимовыгодного диалога между религией и философией. Учитывая, что такой опыт уже осуществляется в рамках диалога между наукой и ее изучением буддистских практик, платоническая стратегия могла бы послужить надежным интеллектуальным мостом между наукой и западными формами религий.

Наконец, важным моментом, подчеркивающим актуальность работы, является антропocosмическая модель в рамках платонической ноологии. Человек в рамках этой стратегии не просто выживает (как происходит во многих аспектах современной жизни), он как микрокосм – носитель всех уровней универсума, причастный к Единому и Уму. Вспоминая о своей истинной природе, человек в состоянии пробудить в себе Ум и воссоединиться с Единым. Тем самым, платонизм дает мощный импульс для человека пережить экзистенциальные вызовы, почувствовать свою значимость и осознать собственную миссию. Сегодня активно обсуждаются действенные «выживальческие» стратегии, восходящие к античности, прежде всего, стоическая, однако, не менее мощный потенциал платонической стратегии, задействующий не только практические, но и интеллектуальные инструменты решения экзистенциальных кризисов, остается за рамками внимания.

Тем самым, актуальность рассматриваемой работы укладывается не только в рамки академического антиковедения, но и намечает пути переосмысления фундаментальных вопросов о сознании, существовании и месте человека в мире, которые были размыты новоевропейской парадигмой.

Диссертация М.С. Никулина состоит из Введения, трех глав, разбитых на параграфы, Заключения и Библиографии. Библиография содержит 254 наименования, включающих в себя русские, латинские, немецкие, английские и пр. первоисточники и исследования (109 – на иных, кроме русского, языках). Текст диссертации снабжен таблицами (26 шт.), однако следует отметить, что эти таблицы не всегда информативны и носят скорее систематизирующий, нежели проясняющий или объясняющий характер (в ряде таблиц отсутствуют пояснения для горизонтальных строк и вертикальных блоков; как правило, отсутствуют пояснения, что именно указано в горизонтальных строках, примерами таких систематизирующих таблиц могут служить Таб. 8-11 и др.)). Общий объем диссертации составляет 249 страниц.

Во введении вводится термин «ноология» как учение об уме, дается многоступенчатый обзор актуальности – в привязке к «ноологической реминисценции» (с. 5), с позиций феноменологии, с точки зрения демаркации философии и «новой научной специальности “теология”» (с. 7), а также в рамках аналитической традиции, а именно философской теологии. Было бы полезным увидеть авторское отношение к этим традициям, зафиксировать место диссертации по отношению к ним, но автор этого не делает. Отмечается также актуальность в практическом ракурсе, через призму ноологии П. Адо, т.е. через понимание античной философии как духовных упражнений. Далее предлагается в развернутом виде степень разработанности проблемы, формулируется объект и предмет, цель и задачи. Соискатель формулирует 7 масштабных задач. Справедливости ради нужно отметить, что при детальной проработке каждая из них заслуживает отдельной кандидатской диссертации, ср. напр. Задача 1 «Определение динамики и смыслового наполнения терминов и понятий, связанных с умом, в разные периоды античной философии» или Задача 7 «Исследование соотношения частного и всеобщего ума в рамках ноологии как стратегии философской мысли». Вкупе с отсутствием формулировки проблемы это снижает аналитическую ценность работы и превращает ее скорее в «рамочное» исследование, нежели предлагает детальное исследование в рамках заявленной темы. В качестве методологии обозначен герменевтический метод, анализ, синтез, структурный и компаративистский метод. Далее отмечаются новизна исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы, апробация результатов и структура исследования.

В первой главе исследуются истоки формирования платонической ноологии в досократическом периоде. Автор показывает, что представление об «уме» присутствует уже в ранней греческой философии и концептуализируется через термины νοῦς, λόγος, σοφία и др. Автор демонстрирует позиции некоторых досократиков, представляя их доктрины через отношение к ноологии, которая реализуется: у Пифагора через понимание гармонии и числа как проявлений ума; у Ксенофана – бог как ум, лишенный антропоморфных черт; у Гераклита – логос как закон, управляющий космосом; у Парменида – тождество мышления и бытия; у Анаксагора – нус как демиургический принцип; у Эмпедокла – «священный ум» как оформляющий элемент. Автор выстраивает линию развития раннегреческих учений от натурфилософских элементов к все более абстрактному и универсальному пониманию ума, задавая необходимый ему ноологический вектор – выделение ума как самостоятельного начала, противопоставленного чувственному и телесному.

Однако, имеется ряд критических соображений относительно содержания этой главы.

Автор рисует досократиков как прямых предшественников платоновской «ноологии», выстраивая их доктрины в такую последовательность, где каждая мысль о νοῦς или λόγος трактуется как необходимый шаг к последующей окончательной систематизации. Нельзя отрицать, что этот ход обеспечивает всему рассуждению красивую ретроспективную линию, но он же заставляет указать на ряд методологических вопросов.

Во-первых, историко-философская перспектива в такой подаче оказывается ангажированной: отдельные фрагменты учений Пифагора, Гераклита, Парменида, Анаксагора или Эмпедокла подтягиваются под единый концепт ноологии, «учения об уме», хотя в научной литературе нет консенсуса, что именно эта категория является уникальным ключом к их системам, равно как и сам автор не делает попыток предложить собственного обоснования. Требуют более строгого обоснования или более последовательного отношения к первоисточнику некоторые небрежные заявления, например, приписывание Пармениду таких концепций как «пустота» (с. 49, контекст: «При этом пустота (κενόν) у Парменида означает не отсутствие тела, как у Демокрита, а отсутствие ума». При условии, что Парменид в принципе не использует слово κενόν, это заявление становится крайне сомнительным), «мыслящее сущее» (с. 50; из выражения «мыслить – быть» еще не следует, что сущее не только мыслимо, но и мыслит) и т.д. Также необоснованным выглядит заявление, касающееся Анаксагора: тем, что «ум всем правит и обладает величайшим могуществом, предвосхищается предикат божественного всемогущества» (с. 55). К такому заключению можно прийти, только если держать в интерпретаторском поле зрения представление об *omnipotentia*, а это уже очевидный анахронизм. Νοῦς Анаксагора вполне может пониматься не как абсолютный демиург, а как вспомогательное

объяснительное начало в космогонии. Λόγος Гераклита не обязательно сводим к рациональному принципу ума, он вполне может интерпретироваться как язык, речь, мера или закон природы.

Во-вторых, за скобками остаются любые альтернативные интерпретации. Автор не обсуждает существующие споры, не включается в дискуссии, например, о том, является ли у Эмпедокла «священный ум» действительно онтологическим принципом или метафорой; или о том, насколько у Ксенофана «бог как ум» связан с критикой антропоморфизма, а не с учением о нозтической реальности или попросту политической метафорой, оформившейся под влиянием религии Ахеменидов, отождествлявшей Ормазда с Царем Царей – Дарием, Киром, во времена странствий Ксенофана по завоеванным персами территориям. Зачастую, автор декларативно опирается на удобные ему или «канонические» интерпретации, например, в интерпретации Гераклита и Парменида автор передает их доктрины, опираясь почти исключительно на А.В. Лебедева, не обращаясь к практически альтернативным, но более влиятельным среди мировых антиковедов трактовкам Д. Грэхема, Г. Калоджеро, А. Мурелатоса, А. Нехамаса и др.

В-третьих, автор даже не пытается избежать эффекта телеологизации: досократики представлены как предтечи, чья мысль якобы «стремится» к Платону и неоплатонизму. Почему не к перипатетизму или скептицизму? Эту линию легко выстроить для них, равно как и представить «дософистами», квалифицируя соответствующие пассажи не как имеющие отношение к уму, а делая акцент на роли языка и речи. В результате собственные философские поиски досократиков редуцируются к роли «подготовительных ступеней» на единой линии развития, вместо того чтобы быть рассмотренными в их многообразии и противоречивости. Причем для автора не составило бы большого труда указать, что он эксплицирует эту линию среди многих других.

В целом, глава о досократиках производит впечатление наиболее слабой и декларативной, автор демонстрирует неважное знание источников и современных дискуссий, не учитывает разнообразие возможных прочтений. Глава выглядит как некритическая подгонка досократиков под необходимый автору концептуальный каркас, делая реконструкцию уязвимой, а это портит впечатление и ставит под удар все последующие выводы более основательно проработанных глав.

Во второй главе представлена эволюция ноологии в Академии и среднем платонизме. Автор показывает, каким образом Платон развивает и систематизирует досократические интуиции, отмечая следующие нововведения Платона: умопостигаемый мир как парадигма чувственно воспринимаемого, демиург как разумная причина и творец, мировая душа, связь

онтологии и гносеологии через ноологические термины. У Спевсиппа и Ксенократа уточняется статус ума: либо как производное начала, либо как первопринцип. Средний платонизм (Антиох, Евдор, Плутарх) привносит в платонический дискурс стоический логос, развивает демонологию и усиливает дуализм психического и ноэтического. Автор сосредоточен на демонстрации углубления и институционализации учения об уме: ум получает все более сложный статус, а ноологическая перспектива начинает объединять собой космологию, антропологию и религиозную философию.

К этой главе также есть ряд вопросов. Автор стремится показать, что интуиции досократиков обретают систематическую форму, получая развитие и институционализируясь как «ноологическая стратегия» у Платона и его школы. Фактически автор пытается свести всю платоновскую философию к ноологии, тогда как в действительности в центре у Платона стоят несколько более комплексные оппозиции: между чувственным и умопостигаемым, становлением и бытием, единым и многим. Как и в отношении интерпретации досократиков, можно отметить, что ноология и здесь не является универсальным ключом, отмыкающим всю платоновскую философию. Автор с легкостью интерпретирует демиурга и умопостигаемый космос как «ноологические конструкции», не обсуждая альтернативные трактовки, например, спор о том, является ли демиург у Платона онтологической реальностью или эвристическим образом, облакаемым в форму мифа хотя ниже, на с. 98, уже в отношении Спевсиппа, неявно ставит этот вопрос, утверждая, что «Спевсипп демифологизирует демиурга Платона»). Кроме того, разногласия внутри Академии сглаживаются интерпретацией в «ноологическом ключе», хотя Спевсипп и Ксенократ не ставили себе самоцелью воспроизводить платоновскую схему, а наоборот, пытались на свой лад моделировать первопринципы. Для автора важнее сконструировать некое линейное развитие «учения об уме», тогда как для Платона важнее обосновать онтологический статус идей в большинстве диалогов, в «Тимее» задать функциональный космологический миф, и в целом платоновская традиция представляется скорее как плюралистическая и эклектичная, нежели последовательным развитием ноологического концепта. Такой способ изложения не просто отвлекает от сложности и вариативности традиции, он создает впечатление ангажированности автора. Хотя, вероятно, сам автор выбрал стратегию сконцентрироваться на своем материале, и страдает здесь скорее подача материала, чем его содержательная сторона, но получилось сделать это в ущерб академической объективности. Так же как и в случае с досократиками, обращает на себя внимание отсутствие диалога с современными западными интерпретациями, что «уплощает» авторскую позицию. Авторские идеи в дискуссии выглядели бы более выигрышно (при условии, что на фоне альтернативных позиций ему удалось бы их достаточно обосновать), а без отсылок к Г. Оуэну, Ф.М. Корнфорду,

Г. Чернису, С. Скольникову работа выглядит бедно и не актуально. Нельзя объять необъятное и включить в библиографию все и вся, но в данном случае речь идет не о каких-то случайных именах, а об именах, которые сформировали консенсус взглядов, актуальную научную парадигму в платоноведении. Автор же не обсуждает эти интерпретации и, упростив себе задачу, не фиксирует, что выбор ноологической рамки для интерпретации платонизма есть только один из возможных способов чтения, хотя и далеко не самый общепринятый.

В третьей главе автор показывает, как происходит систематизация учения об уме в неоплатонизме. Плотин закрепляет ум как самостоятельную ипостась, Порфирий сближает философскую схему с теологическими откровениями и ставит акцент на Едином, Ямвлих и Прокл оформляют зрелую «философскую теологию» через введение в систему генад. Ум на этом этапе развития становится ключевым звеном в структуре универсума, связующим Единое и чувственный мир, и происходит окончательное оформление ноологии как целостной системы: ум – не просто принцип познания, а онтологический «узел», жестко соединяющий космос, человека и божественное. Таким образом, неоплатонизм оказывается высшим и окончательным этапом «ноологической стратегии», где Ум получает статус самостоятельной ипостаси. В этой главе автору также не удалось избежать слабых мест: как и в случае со средним платонизмом, автор сглаживает внутренние конфликтные точки, подчиняя все движение внутри традиции одной всепоглощающей задаче, из-за недостаточного внимания к исследовательской традиции из «ноологической стратегии» выпадают многие моменты, которые бы при другом фокусе оказались бы ключевыми, в частности, проблемы математики, во многих интерпретациях представленные как ключевые и для Платона, и для среднего и для неоплатонизма. Автор отчасти обсуждает математические проблемы платонизма, но для него это все-таки побочная линия (ср. напр. утверждение о неоплатониках: «Вследствие этого, ноологии и психологии Плотина у Ямвлиха соответствуют математическая теология и учение о самодвижном числе» (с. 194). Автор декларирует, что математика Ямвлиха сводима к ноологии Плотина, а то, что в действительности за этим стоит огромная интерпретаторская проблема, касающаяся функционала Ума (и кстати, математические возражения Аристотеля Спевсиппу автор относительно подробно обсуждает во второй главе), и что по этому поводу есть масса литературы, автор обходит стороной. Развитие «ноологической стратегии» как будто прерывается на неоплатониках, достигнув пика эволюции, «находит свое полнейшее раскрытие и структурное наполнение в философии неоплатонизма» (с. 223), но это тоже следует «принять на веру», поскольку автор не дает никакого «перспективного» (в значении, уравнивающего ретроспективную главу о досократиках) обзора, не говоря уже об исследовании, дальнейшей судьбы «ноологической стратегии». Получила ли она

развитие у Августина как «последнего платоника», модифицировалась, искажалась или стагнировала в арабской средневековой версии фальсафы (что было бы весьма интересным ходом, учитывая, что для учения о космических разумах в этой традиции термин «ноология» является устоявшимся) – этих вопросов автор никак не касается, даже в общепринятом для диссертаций разделе заключения о дальнейших перспективах исследования (которое в данной диссертации отсутствует).

Складывается впечатление, что автор фокусируется на том, что ему методологически и концептуально удобно, жертвуя спецификой, дискуссиями, вариативностью и подчиняя все одной концептуальной линии эволюции, которая в реальности не была такой прямой. У этого «однобокого» подхода есть объяснение, напрямую связанное с рыхлостью самого ключевого для диссертации понятия «ноологической стратегии», но этот момент мы принципиально отразим в критических замечаниях.

Что касается степени обоснованности научных положений, то ее можно признать достаточной, в некоторых разделах – высокой. Преимущественно положения обосновываются широким охватом источников, хотя и часто выполняют роль констатации, без углубления в детали текстов, без разбора внутренних рассуждений и аргументации. Также привлекается достаточное для обоснования ряда положений и выводов количество критической литературы, но она избирательна и отсылки к ней маскируют личную позицию и доводы автора. Наиболее снижена обоснованность в ключевой точке – концепт «ноологической стратегии» вводится не критично, об этом детально см. замечания. Ряд рассуждений и выводов выглядит как «подгонка» материала под идею в силу недостаточной строгости аргументации и критического обсуждения иных точек зрения и возможных интерпретаций (речь не идет об их детальной реконструкции, достаточно было бы указания на то, что они вообще существуют с оценкой их состоятельности и критической важности для выводов). Достоверность результатов также ограничена интерпретационной рамкой. Там, где автор следует своей генеральной линии, активно верифицируя собственные идеи, выводы представляются достоверными, но как только им сопоставляются любые альтернативные модели или интерпретации, убедительность этих выводов несколько страдает. Иными словами, автор не уделил должного внимания попперовской методологии фальсификации собственных доводов и взглядов, забыв, что подтверждение – гораздо более благодарный для автора, но менее убеждающий и менее ценный в научном плане подход.

У диссертации есть принципиальное конструктивное, новое и оригинальное содержание, которое заключается прежде всего в авторском видении концепции «ноологии как стратегии мысли» (хотя новизна здесь ограничивается больше терминологической рамкой, языком

описания, чем какой-то оригинальной интерпретацией). Тем не менее это смелая попытка задать новый ракурс для прочтения хорошо известной традиции, такая концепция позволяет обобщить и дать систематическое описание и единую перспективу для разных (иногда критически разных) античных философских учений. Введение в оборот данной концепции ценно само по себе, поскольку позволяет использовать его для других задач и в рамках других интерпретаций, сама по себе демонстрация внутренней логики развития учения об уме в античной традиции также ценна, поскольку позволяет экстраполировать предлагаемый подход на другие традиции – перипатетическую, стоическую, и даже, вероятно, на скептическую. Однако без четкого установления границ и содержания предлагаемой концепции реальная продуктивность сомнительна. Что касается новизны метода, то скорее предлагается уточнение герменевтических подходов, чем принципиальная методологическая новация, впрочем, для отечественной истории философии она может быть рассмотрена как оригинальный акцент. Что касается направлений античной мысли, которые определяют ее вариативность в пределах оппозиции «философия-теология», то они обсуждались многократно, особенно в западной традиции; для отечественной мысли этот пункт обладает новизной, но не абсолютной. Есть вопросы к п. 5 новизны, где отмечается новизна авторских переводов, обобщение совокупных результатов научного изучения платонизма и озвучена позиция автора по проблемным вопросам. Выше, в рассмотрении результатов глав, мы специально отмечали недостаточность (но не отсутствие) вовлечения в научные дискуссии, привлечения интерпретаций (особенно противоречащих авторской позиции), и проявленности собственной авторской позиции и аргументации. В целом такая формулировка новизны, как в п. 5 представляется сомнительной – автор обязан использовать новые интерпретации, обсуждать проблемные места, предлагать собственные рабочие переводы терминов и рабочие определения, это все – рутинная обязанность диссертанта, которая никоим образом не может представлять собой пункт научной новизны. В целом новизну работы можно охарактеризовать как умеренную, но вполне достаточную для кандидатской диссертации.

Что касается замечаний, то в работе можно найти как упущения (которые есть в любой работе, и большую часть из них мы назвали выше), так и предъявить к ней ряд критических замечаний, на которые автору следует обратить особое внимание.

1. Наиболее серьезное замечание мы вынуждены озвучить в отношении ключевых понятий диссертации «ноология» и «ноологическая стратегия». Они представляют собой главный методологический изъян, который ставит под удар всю архитектуру диссертации (но не ее логику). Прежде всего, это проблема определения. Автор не уделяет должного внимания введению данных понятий. Понятие ноологии дано «на ходу» на с. 4 введения со ссылкой на

А.Ф. Лосева, при этом сразу оговорено, что предмет ноологии включает не только дериваты слова νοῦς, но и слова другого корня, обозначающие умопостигаемую реальность (с. 4-5). По мнению автора, «такое понимание вполне оправдано», т.к. задает «широкую палитру звучания термина» (с. 5), и тем самым ставит себе методологический капкан. Уточнение на с. 7 не помогает: «Ноология фактически является древнегреческой теологией», т.к. бог зачастую отождествляется с умом. Наконец, в формулировке объекта исследования еще раз уточняется, что ноология – это учение об уме (с. 14). Никаких других попыток критического введения, осмысления термина, способов задать его границы автор не предлагает. С одной стороны, мы имеем дело с удобным концептом, который обозначает все, что связано с умом (а это почти все, что угодно – все мыслящее и мыслимое связано с умом, разве что за исключением «ничто», но и этот момент софисту Горгию удалось поставить под удар), с другой стороны, без нормального, в меру строгого рабочего определения «ноология» остается крайне расплывчатой категорией, что, как следствие, размывает и содержание, и выводы работы. Если следовать тексту автора, «ноология» маркирует любое учение об уме, и даже любое упоминание об уме, иногда – это сквозная стратегия, которой могут придерживаться философы, иногда – новый способ мысли, иногда способ мысли, противопоставленный новоевропейскому, что делает ее неразличимой с другим понятием – «стратегией». Но «учение» и «стратегия» – уже несоизмеримые понятия, и требуется показать, что именно делает набор учений «стратегией», какое инвариантное ядро есть у этой стратегии, кроме «всех дериватов слова ум», каковы критерии отбора учений. Анаксагор использует слово ум, значит, он включен в стратегическое ядро, а Горгий, который использует еще и множество слов другого корня, но концептуально относимых к ноологии (ἐστὶ, τὸ ὄν, οὐδὲν νοεῖται, τὰ φρονοῦμενα, λόγος и пр.), в стратегическое ядро не включен. Тогда придется признать, что это произвольная выборка, поскольку ее критерии и условия не оговорены. Или, например, в чем принципиальное отличие «учения об уме» Анаксагора и «учения об уме» Платона, кроме, разве что «эволюционного» усложнения? Для любого различия будут очевидны, но в рамках данной диссертации размытие границ «ноологии» делает эти два учения равноценными и по факту тождественными.

Таким образом, отсутствует внятный способ введения, строгие определения, критерии различения и обозначение границ понятий «ноология» и «ноологическая стратегия», без которых вместо строгого аналитического инструмента мы получаем удобный ярлык, который позволяет автору выстраивать античную философию так, как ему удобно.

2. Отсутствие четкости в отношении понятия «стратегия» еще более затемняет ситуацию. Стратегия не менее многозначное слово, и также необходимо было разъяснить его конкретное значение в рамках диссертации. Это может быть план действий в отношении

определенной цели, набор шагов для достижения долгосрочных целей, система принципов, способствующих достижению или осознанию некоторых целей, организация действий и т.д. В большинстве случаев под стратегией подразумевается видение некой конечной цели и осознанная рациональная выработка плана или шагов в ее отношении, подразумевающая разумного агента этой деятельности. Все эти наброски значения в малой степени подходят к тому, что мы наблюдаем в диссертации, если только не признать сам космический ум тем агентом, который выстраивает собственную линию развития, диктуя философам, как развернуть концептуальный каркас их учений так, чтобы в конечном счете вся античная традиция пришла к «полнейшему раскрытию» ума, но это уже слишком.

Подытожим: отсутствие четкого определения для термина «стратегия» ведет к терминологической неоднозначности и затрудняет понимание того, является ли ноология осознанной, целенаправленной деятельностью или структурированным методом философского мышления.

3. Автор рассматривает ноологию как единую «стратегию философской мысли» в античном платонизме, допуская ее вариативность в пределах оппозиции «философия–теология» (см. Задача 6). Однако фактический материал диссертации демонстрирует даже не плавную вариативность внутри общей линии, а принципиально разнонаправленные тенденции. Так, у досократиков ноология подается как еще тесно связанная с мифологическими представлениями и натурфилософией, у Платона и его ближайших последователей она обретает форму интеграции космологических и антропологических аспектов, в позднем же платонизме фиксируется обращение к сакрализованным текстам (*«Халдейские оракулы»*), что трактуется автором как сближение философии и теологии. В то же время в положениях на защиту утверждается прямо противоположное: у Плутарха, Ямвлиха и Прокла «намечается более резкое разграничение» божественной, нозтической, и человеческой, психической, реальностей (Положение 7). В результате внутри одной и той же «стратегии» оказываются объединены полярные подходы – от натурфилософской мифологичности до сакрализирующего синтеза и резкого разграничения обозначенных сфер. Эти разнонаправленные линии остаются без должного методологического примирения. Возникает вопрос, возможно ли в принципе трактовать столь разнородные явления как проявления единой стратегии, или же корректнее говорить о множественных стратегиях, сосуществующих в пределах платонической традиции. Если бы понятие «стратегии» имело бы четкие контуры (как исторические модусы, как идеальный тип и пр.), то противоречащие на первый взгляд описания «интеграции» и «разграничения» могли бы быть согласованы в рамках «переключения режимов» стратегии. Без такой рамочной проработки тезисы о «более резком разграничении» выглядят как методологически

несогласованные с тезисами о сближении философии и теологии, а центральное понятие диссертации – «стратегия» – вновь рискует остаться скорее метафорой, чем аналитическим инструментом.

4. Также отметим недостаточную фиксацию собственного вклада автором на фоне преимущественно программных заявлений о новых методах, переводах и т.д. Новый метод – это скорее общая установка, декларативное заявление, чем действительно функциональный инструмент. Нигде в работе автор не подчеркивает строго, что то или иное затруднение снимается, трудное место в тексте прочитывается легче, меняется давно закрепившаяся интерпретация и т.д. исключительно в рамках применения нового метода, и без него сделать это невозможно. Критический анализ дискуссий в научной среде также декларативен – в исчерпывающем количестве случаев автор перечисляет направления работы, но не показывает, где именно (в каких ключевых пассажах и по каким аргументам) его решения и позиция добавляют к существующему состоянию исследований то, чего там не было, снимают спорные интерпретации и т.д. Заявленные «новые переводы» и «уточнения» потребовали от автора минимального текстологического или критического вмешательства, и имели чаще стилистический, а не концептуальный характер. Чтобы избежать декларативности, автору следует придерживаться более строгого способа отделения собственных реконструкций от пересказов и снабдить текст явной аргументацией, указывающей, против каких альтернатив или оппонирующих точек зрения она направлена, в чем ее неоспоримое достоинство по сравнению и имеющимися точками зрения.

Несмотря на отмеченные частные недочеты и более серьезные замечания, – которые нужно понимать прежде всего не как критику, а как научную дискуссию и направления для дальнейших исследований, – диссертационное исследование Никулина Максима Сергеевича в целом представляет собой завершённую, логически стройную и целостную научную работу. Диссертация демонстрирует высокий уровень историко-философской компетентности, написана ясным, живым языком, демонстрирует способность соискателя к самостоятельному научному исследованию. Выявленные критические замечания не отменяют основных научных результатов и выводов диссертации, но указывают на то, что разработанная автором оригинальная концепция «ноологии как стратегии» может выступать продуктивной исследовательской программой с хорошим эвристическим потенциалом, открытой для дальнейшего обсуждения, развития и уточнения.

Полученные соискателем результаты представляют интерес с точки зрения преподавания вузовских дисциплин «история философии», «теология» и смежных с ними, а также спецкурсов философских и теологических магистратур. Также результаты диссертации могут быть

использованы для разработки учебной и методической литературы, для дальнейших научных исследований.

Основные результаты диссертации в достаточной степени отражены в рецензируемых изданиях. Апробирование результатов осуществлено на достаточном уровне. Содержание автореферата вполне соответствует содержанию диссертации.

Диссертация Никулина Максима Сергеевича соответствует всем критериям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства № 842 от 24.09.2013 г.), предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор безусловно заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 – История философии (философские науки).

Отзыв составлен кандидатом философских наук, старшим научным сотрудником Отдела философии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН) Бровкиным Владимиром Викторовичем.

Отзыв рассмотрен и утвержден на заседании Отдела философии ИФПР СО РАН, протокол № 5 от «30» июня 2025 г.

Заведующий Отделом философии ИФПР СО РАН,
д. филос.н.

И.В. Берестов.

30 июня 2025 г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН). Почтовый адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. Телефон: +7 (383) 330-09-75. E-mail: director@philosophy.nsc.ru; адрес сайта: <https://philosophy.nsc.ru/>

Подпись И.В. Берестова
заверяю.
Главный специалист
отдела кадров ИФПР СО РАН
«30» июня 2025 г.

Крупко Е.В.

